

“БОГ И МОЯ РОДИНА ВСЕГДА БЫЛИ НА ПЕРВОМ МЕСТЕ В МОЕМ ХРАМЕ ВЕРЫ” (Гарегин Тер-Арутюнян)*

Виктор Акопян

Еще четверть века назад в СССР любое позитивное упоминание о Гарегине Нжде (1886–1955) могло стать основанием для обвинений в национализме. За последние десятилетия, наоборот, о проповеднике национальной идентичности своего народа написано и сказано много, поэтому в нашу задачу входит не отыскание каких-либо новых фактов из его жизни и деятельности, а лишь общий анализ основных этапов его жизненного пути, в том числе и последнего, завершающего отрезка, придающего личности Нжде известную одиозность.

Гарегин Нжде (настоящее имя – Гарегин Егишевич Тер-Арутюнян) родился 1 января (по другим данным 2 февраля) 1886 г. в селе Кзнут Нахичеванского уезда Эриванской губернии в семье священника Егише Сааковича Тер-Арутюняна, умершего в 1888 г. Мать Гарегина, Тируи, скончалась в 1940 г. Из четырех детей (два сына и две дочери) Гарегин был самым младшим. При крещении он был наречен именем Аракел. После окончания Кзнутской начальной школы (1895), обучался в семилетней русской школе в Нахичевани и продолжил учебу в Тифлисской гимназии. В 1902 г. Гарегин поступил на юридический факультет Петербургского университета, который добровольно покинул через два года учебы, полностью посвятив себя борьбе за освобождение Западной Армении от турецких поработителей.

Из всех армянских партий он отдает предпочтение Армянской революционной федерации – Дашнакцутюн (АРФД), старейшей национальной партии, которая была основана в 1890 г. Вступив в партию, в 1904 г. Гарегин переезжает в населенный преимущественно армянами и ассирийцами иранский город Сельмас (Салмаст), расположенный у самой границы с Османской империей. Там он проходит обучение в организованном АРФД военном училище. В 1906 г. Гарегин поступает в офицерскую школу им. Дмитрия Николова в Софии, по окончании которой получает звание подпоручика болгарской армии. В 1907 г. он принимает партийный псевдоним Нжде (Скиталец). Вернувшись на Кавказ, вступает в гайдукский отряд Мурада Себастици с целью защиты населения Западной Армении от бесчинствующих отрядов башибузуков.

Волей судьбы он оказался активным участником Иранской революции. Так как российское правительство участвовало в подавлении революции, Гарегин Нжде находился в поле наблюдения секретной полиции и, вернувшись в 1909 г. на Кавказ, был сразу же арестован царскими властями. В автобиографии он пишет: «Более трех лет я провел в тюрьмах от Джульфы до Петербурга; после известного суда над 163-мя членами "Дашнакцутюн", во избежание ссылки в Сибирь я ушел в Болгарию» [1]. В эту балканскую страну он прибыл в марте 1912 г. незадолго до начала 1-ой Балканской войны (25 сентября 1912 – 17 мая 1913 г.).

Первая Балканская война носила освободительный характер. Заключившие между собой союз Греция, Болгария, Сербия и Черногория смогли освободить от турок большую часть европейских владений Османской империи. За Турцией сохранился лишь Константинополь и небольшие территории вокруг него. В этой победе была заслуга и армянских воинов Добровольческой роты в составе 271 человека. «В 1912 г., – сообщает в

* Հոդվածն ընդունվել է 10.02. 2015:

Հոդվածը տպագրության է երաշխավորել ՄՄՀ պատմության ամբիոնը:

автобиографии Нжде, – я собрал роту армянских добровольцев и вместе с Андраником участвовал в Балканской войне за освобождение Македонии и Фракии» [2].

Не обошел своим вниманием армянскую роту Лев Троцкий. В статье «Андраник и его отряд», опубликованной 13 июня 1913 г. в газете «Киевская мысль», российский социал-демократ следующим образом описывает выступление роты: «Платье у добровольцев свое, штатское, только подобранное и подтянутое на военный лад; на многих плотные онучи, охваченные ремнями. На спине – холщовая сумка и баишык, сбоку – лядунка и у большинства собственный револьвер. Ротой командует армянин-офицер, в форме. Его величают просто "товарищ Гарегин"... Гарегин – поэт, оратор и Воин – весь пламенный от значительности выпавшей на его долю миссии... Он совсем охрип от команды и речей, у него лихорадочный вид, и его иссиня-черные волосы бурными волнами выбиваются из-под офицерской фуражки». В этой же статье национальный герой Армении Андраник назван «душой отряда» [3].

Когда противоречия из-за Македонии привели ко 2-й Балканской войне (июнь-июль 1913 г.) между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Грецией, Румынией и Черногорией – с другой, армянские добровольцы отказались от участия в ней. В этой войне к антиболгарской коалиции присоединились Турция и Румыния. Болгария была побеждена и лишилась большей части своих приобретений в первой войне, а Османская империя вернула себе Адрианополь. Нжде пишет по этому поводу: «В завершающий период мы, как революционеры, отказались от участия в войне между балканскими народами и расформировали армянскую роту» [4].

В ходе Балканских войн дважды раненный Нжде получил болгарские и греческие награды, был отмечен болгарским крестом «За храбрость» IV степени.

С началом Первой мировой войны российские власти, заинтересованные в привлечении армянского населения на свою сторону, изменили отношение к ранее запрещенным национальным партиям (Дашнакцутюн, Гнчак, Рамкавар). 17 сентября 1914 г. Николай II обратился с воззванием к армянам, в котором обещал окончательное освобождение от турецкого гнета.

Сразу же, после объявления в России амнистии для дашнаков, Нжде явился в российское посольство в Софии с предложением использовать его в качестве военного в боевых действиях с Турцией, правительство которой организовало тотальное уничтожение армянского населения. Он был назначен заместителем командира 2-го Армянского добровольческого батальона в составе русской армии, принимавшей участие в боях на Кавказском фронте. Командиром батальона был генерал Дро (Драстамат Мартиросович Канаян, 1883–1956). За боевые заслуги в сражениях конца весны – лета 1915 г. поручик Нжде был награжден орденами св. Владимира 3-й степени и св. Анны 4-й степени, Георгиевскими крестами 3-й и 2-й степеней.

В дальнейшем, как пишет сам Нжде, «командовал отдельной армяно-езидской частью», сдерживая натиск превосходящих сил регулярной турецкой армии и отрядов башибузуков.

После Февральской революции в России Временное правительство 9 (22) марта 1917 г. сформировало в Тифлисе Особый Закавказский Комитет (ОЗАКОМ). В мае 1917 г. по распоряжению новых властей Нжде был назначен городским комиссаром в Александрополе (Гюмри).

После октябрьского переворота ОЗАКОМ сменил Закавказский комиссариат, состоявший из представителей национальных партий. В феврале 1918 г. созданный в Тифлисе Закавказский сейм, который включал депутатов, избранных от Закавказья во Всероссийское учредительное собрание, и представителей местных политических партий, взял курс на полное отделение Закавказья от России. Но если дашнакская фракция

предлагала оставить Закавказье в составе России на правах автономии, разделенной на национальные кантоны, а в отношениях с Турцией – настаивать на самоопределении Западной Армении, то грузинская и особенно мусульманская (азербайджанская) фракции стояли за независимость и особые отношения с Турцией. В сложившихся условиях армянской стороне ничего не оставалось, как провозгласить 28 мая 1918 г. в Ереване Первую Республику в пределах бывшей Ереванской губернии и Карсской области (площадь 58 тыс. кв. км, население около 1 млн человек). Необходимо отметить, что еще осенью 1917 г. в Тифлисе состоялся армянский национальный съезд, который создал два органа: Генеральный Совет и Национальный Совет (Армянский национальный совет) – исполнительный орган, ставший правительством Восточной Армении.

Придя к власти, большевики способствовали развалу Кавказского фронта, чем и воспользовались турки, предпринявшие наступление на Восточную Армению с целью завершить уничтожение армянского народа и претворить пантюркистский план создания Турана от Средиземного моря до Тихого океана. Наступавшим турецким частям противостояли только армянские силы, вынужденные вести оборонительные сражения.

О своей жизни в этот период Нжде рассказывает в автобиографии: «В 1917 г. с небольшим отрядом я пришел на помощь окруженному Кохбу и спас армян этого района. В тот же период я перешел в Абас Гел, вступил в контакт с езидами и вместе с их лидером Иво маршем вернулся в Тифлис, где свел его с Армянским Национальным Советом. Накануне провозглашения независимости Армении я вел бои под Аладжой, благодаря чему армянским частям, отступающим по линии Эрзрум – Сарикамиш – Карс, удалось без потерь выйти к Александрополю; я переправился через Арпачай лишь с последним отступающим армянским солдатом, и только тогда моим людям удалось вывезти из Ани материалы раскопок профессора Марра» [5].

26–28 мая 1918 г. Нжде командовал в сражении у Каракилиса, остановив превосходящие силы турецкой армии. «Надо признать, – отмечал Нжде, – что без Каракилисского сражения не было бы не только сегодняшней Армении, но и живущих там сейчас армян. Трехдневная героическая битва под Каракилисой спасла от поголовного уничтожения армян Араратской долины и стала фундаментом Армянского государства». В этом сражении наш герой вновь был ранен. Его грудь украсила еще одна награда – орден Мужества 1-й степени.

С образованием Республики Армения (РА) Гарегин Нжде занимался формированием и обучением национальной армии. Однако мирной передышки не было ни у Первой республики, ни и у Нжде...

30 октября Великобритания и Турция подписали Мудросское перемирие, ознаменовавшее поражение Турции в мировой войне. Оно, в частности, предусматривало вывод турецких войск из Закавказья. Однако на самом деле турки не ушли из региона, так как сформировали фактически второе турецкое государство-клон под названием Азербайджан. Оно должно было выполнить те задачи, которые Турция не могла осуществить в связи с поражением в мировой войне. В «Очерках русской смуты» воевавший против большевиков на южном фронте генерал Антон Деникин писал об этом образовании: «Все в Азербайджанской республике было искусственным, "ненастоящим", начиная с названия, взятого взаимнообразно у одной из провинций Персии. Искусственная территория, обнимавшая лезгинские Закаталы, армяно-татарскую Бакинскую и Елисаветпольскую (Гянджа) губернии и русскую Мугань и объединенная турецкой политикой в качестве форпоста пантюркизма на Кавказе. Искусственная государственность. Наконец, искусственно держалось и азербайджанское правительство: первоначально – волею Нури-паши, потом генерала Томсона и в дальнейшем – просто по инерции» [6].

После вывода германских и турецких войск отношения Армении с Грузией и Азербайджаном еще больше обострились из-за т.н. «спорных территорий». Вооруженный конфликт с Грузией был урегулирован в январе 1919 г. при посредничестве Великобритании. В мае 1919 г. Республика Армения восстановила контроль над Шаруром и Нахичеваном. С середины 1919 г. возобновились военные действия с Азербайджанской республикой, пытавшейся захватить Зангезур (южная часть исторической провинции Сюник) и Нагорный Карабах (Арцах). Эти области вплоть до вхождения в состав Российской империи в начале XIX в. в той или иной степени сохраняли национальную государственность, потерянную на других землях. Армянское население Зангезура и Карабаха, объявившее о воссоединении с РА, стойко обороняло свои области от турецко-азербайджанских захватчиков.

В июне 1919 г. турецко-азербайджанские силы предприняли атаки на Капан, Горис и Сисиан, разоряя на своем пути армянские села и уничтожая население. В августе для организации обороны Зангезура был направлен Нжде, получивший приказом военного министра РА звание капитана. До его прибытия область находилась под контролем генерала Андраника и Армянского Национального Совета Зангезура. Администрация и военный штаб располагались в Горисе. После отбытия Андраника (25 марта 1919 г.) правительство РА назначило генерал-губернатором Карабаха и Зангезура капитана Арсена Шахмазяна, не признанного британскими военными властями. За оборону северного района Зангезура (центр – Сисиан) отвечал Погос Тер-Давтян, а отряду Нжде было поручено руководить обороной южного района от Гохтана (область на юго-западе Нахичевана) и Генваза (Мегри или древнее название Аревик) до Капана. Вот что пишет об этих событиях Нжде: «Во второй половине 1919 г. я перешел в Сюник для оказания помощи Гохтану, осажденному войсками Эдиф бега и обреченному на голод и уничтожение. Были спасены и сам край, и его армянское население. С этого времени я посвятил себя делу защиты и спасения от уничтожения армян Капана и Аревика, отражая постоянные нападения мусаватистского Азербайджана и турецких пашей Нури и Халила» [7].

Наступление противника было остановлено в начале ноября под Горисом. За заслуги по освобождению Зангезура в феврале 1920 г. Гарегину Нжде было присвоено звание полковника.

После небольшой паузы, в марте 1920 г. военные действия в Зангезуре, Карабахе и Нахичеване возобновились. Почти все вооруженные силы Азербайджана были задействованы на армянском направлении. Именно тогда турецко-азербайджанские войска, заняв столицу Карабаха Шуши, один из крупнейших в тот период город в Закавказье, учинили массовые убийства армянского населения города, в результате которых погибло до 30 тыс. местных жителей-армян, был сожжен и разрушен город.

Армяно-азербайджанской войной воспользовалась 11-я Красная Армия, которая, не встречая сопротивления, 28 апреля заняла Баку и провозгласила там Советскую власть. В начале июля Красная Армия вторглась в Зангезур, и в середине месяца между ней и армянскими частями развернулись бои. Таким образом, благодаря армянским силам Советская Россия бескровно взяла под свой контроль всю новоиспеченную республику.

10 августа 1920 г. было заключено соглашение между РСФСР и РА, в соответствии с которым т.н. «спорные области» (Карабах, Зангезур и Нахичеван) занимались Красной Армией. Опасаясь, что Зангезур после этого может перейти под контроль Советского Азербайджана, Нжде не признал этого соглашения и отказался уходить из Зангезура. В начале сентября Капан был занят красными, а Нжде со своим отрядом был оттеснен в Хуступские горы у Мегри, где он укрепился, воспользовавшись неприступностью местности.

В начале октября 1920 г. в Зангезуре началось массовое восстание против Советской власти, которое Нжде тотчас возглавил. К 21 ноября две бригады 11-й Красной Армии и несколько союзных ей турецких батальонов численностью 1200 штыков были разгромлены восставшими, которые установили контроль над Зангезуром. 25 декабря 1920 г. в Татевском монастыре состоялся съезд, провозгласивший Автономную Сюникскую республику, которую фактически возглавил Нжде. Он принял титул спарапета (главнокомандующего), что соответствовало чину генерала. Февральское восстание 1921 г. в Армении на некоторое время оттянуло на себя силы красных, дав Зангезуру передышку. Весной с поражением восстания в Зангезур отступили силы повстанцев. К тому времени Нжде распространил свою власть и на часть Нагорного Карабаха, соединившись с действовавшими там повстанцами. 27 апреля 1921 г. на подконтрольной ему территории была провозглашена Республика Горная (Нагорная) Армения, позднее переименованная в Республику Армения, как продолжение Первой Республики. В первое время Нжде возглавлял ее в качестве премьер-министра, военного министра и министра иностранных дел. С 1 июля премьером этой республики был объявлен Симон Врацян (1882|1969), последний премьер-министр РА (с 25 ноября по 2 декабря 1920 г.), а Нжде сохранил за собой только пост военного министра.

В мае 1921 г. в Армению был направлен Александр Федорович Мясников (Мясникян, псевдоним – Мартуни), известный военный и государственный деятель, родом из Нахичевани-на-Дону. Первый председатель правительства Советской Армении и одновременно ее военный комиссар, через своих представителей вступил в переговоры с Нжде, дав ему понять, что сделает все возможное, чтобы Зангезур не перешел под контроль Азербайджана. Нжде проявил непреклонность. Между двумя «армянскими силами» развернулись бои. Вскоре советские войска перешли в наступление. Убедившись в том, что Зангезур не постигнет участь Карабаха и Нахичевана, переданных Азербайджану по соглашению между РСФСР и Турцией, 9 июля 1921 г. Нжде с остатками своего отряда ушел в Иран. «При Мясникяне, декларацией от июня 1921 г., – пишет Нжде, – Сюник был признан частью матери-родины – Армении» [8].

Таким образом, ценой кровопролитной, братоубийственной войны стало оставление Зангезура в составе Советской Армении и предотвращено объединение двух турецких республик со всеми вытекающими последствиями для армянского народа, России, да и всего азиатского континента. Здесь нет преувеличения.

С 1921 г. начинается новый этап в биографии Нжде, в полной мере соответствующий его псевдониму. Все нажитое им имущество могло поместиться в небольшой котомке. «Покидая Армению, – читаем в автобиографии, – я взял с собой шкуру тигра, убитого моими солдатами на армянском берегу Аракса, – мое единственное вознаграждение. Кинжал Джамал - паши – мой единственный военный трофей. Пусть будут положены со мной в могилу на мою грудь этот кинжал, не знавший поражений флаг Сюника и старый армянский словарь – единственное мое утешение в изгнании» [9].

Временным пристанищем Странника стала Болгария. Страна, за которую он в Балканскую войну пролил свою кровь, безоговорочно предоставила ему подданство. В Болгарии Гарегин, наконец, обзавелся семьей. Первый незарегистрированный брак с Гоар Погосовной Мелик-Дадаян (1899 г.р.) был кратковременным. После того как они расстались в 1919 г., родилась дочь Лилия, взявшая фамилию матери.

Второй брак с Этиме (1902 г.р.), происходившей из семьи ювелира Сукиаса, оказался прочным, хотя семья для революционера всегда была на втором месте после служения Родине. «Имея все возможности жить в роскоши, я жил как человек из народа – почти бедно, – подчеркивал Нжде. – Одной из самых больших в мире мерзостей для революционера, воина и патриота я считал бытовой материализм». Первым их ребенком

была дочь, которая умерла в младенчестве. Вторым родился сын (в 1936 г.), названный по имени тестя, хотя Нжде предпочитал называть его Вреж (с арм. – месь). У него даже появилось небольшое дело. Получаемые доходы позволяли содержать семью, а главное – заниматься литературной и политической деятельностью. В числе его работ этого периода «Открытые письма армянской интеллигенции», первое издание которых увидело свет в Бейруте в 1929 г. Большинство его произведений на родине было опубликовано только после обретения республикой государственного суверенитета [10].

В 1923 г. возобновилось членство Нжде в АРДФ, прерванное в 1921 г. Он деятельно занимается укреплением партийных рядов в Болгарии, а с 1933 г. в США, куда отправился согласно решению 12-го Общего собрания партии. В Спурке Нжде увидел состояние безысходности у многих своих соотечественников. Поиск пути вывода их из психологического и душевного регресса увенчался рождением движения, которое он назвал «Цегакрон» («Религия рода»). «Вне Армении армянам грозит вырождение, – пишет Нжде. – Лишь с помощью глубокого познания и осознания национальных ценностей, добродетелей и святынь, можно бороться с этим злом, для чего я и создал движение, названное мною Цегакронутюн. Целью его было вернуть армянину чувство хозяина своей Родины, спасая его от духовной и политической бездомности и беспризорности вне родной страны. Это было патриотическое движение, лишь обновившись в котором могли объединиться все отдельные политические течения армянства» [11].

Первое собрание «Цегакрон Ухтер» было создано в июле 1933 г. Организация имела свою «Программу-Устав» и «Кредо». Впоследствии (в 1941 г.) движение «Цегакрон» в США стало официальным молодежным подразделением АРФД под названием Армянская Молодежная Федерация («Armenian Youth Federation»). Осенью 1934 г. Нжде вернулся в Болгарию, предполагая превратить движение «Цегакрон» в общепартийное. Однако отношения Нжде и руководства АРФД обострились, и в 1937 г. он в очередной раз покинул партийные ряды.

И еще об одной странице в биографии Гарегина Нжде, которую нельзя обойти стороной. Речь идет о его сотрудничестве с гитлеровской Германией в период войны. Не ставя задачу оправдать этот шаг героя национально-освободительной войны первой четверти XX в., попытаемся понять причины, приведшие идеалиста-революционера пусть даже к временному, но все же сотрудничеству с силой Зла. Ведь ничего общего концепция национального самосохранения Нжде с человеконенавистнической идеологией нацизма не имеет. Не было и никаких «традиций» геополитического «армяно-германского» союза, в отличие, например, от русско-армянского боевого братства. Нжде было хорошо известно о том, как Германия покровительствовала младотуркам в их преступной политике. Но армянский народ был коварно предан и всеми своими союзниками, любезно отдавшими армянские земли палачам. Вот это недоверие никому и заставило Нжде ради спасения оставшейся горстки своего народа пойти на тактический союз с Дьяволом, мало чем отличавшимся от известных палачей армянского народа – Талаата, Энвера, Джемала и всех других им подобных. О том, что Гитлер собирался повторить их «деяния», свидетельствует хорошо известный факт, когда он в ходе встречи с высшим немецким военным командованием в Оберзальцбурге 22 августа 1939 г. заявил: «Сейчас я отправляю на Восток свои "бригады смерти", которым приказано без жалости и снисхождения убивать всех мужчин, женщин и детей, принадлежащих к польской нации и говорящих на польском языке. Только таким путем мы обретем необходимое нам жизненное пространство... Кто помнит сейчас о резне армян?» [12].

Впоследствии в письме к Сталину Нжде объяснял свое сотрудничество с Германией двумя мотивами. Первый – антитурецкий: «Моя связь с немцами имела место на антитурецком базисе, и то в те дни, когда советско-германская дружба была еще в силе».

Турки взамен предоставленной нацистам помощи требовали для себя весь Кавказ, Крым, Татарстан и все области до Сибири и Урала, Среднюю Азию и др. Как отмечают биографы Нжде, главная задача его заключалась в расстройстве союза Германии с Турцией.

Второй мотив – желание спасти армян от участи евреев. Через своих доверенных лиц в Германии и в нацистской прессе турецкая агентура распространяла информацию о необычайной враждебности армян к рейху (что соответствовало действительности и следствием чего явился приказ Геринга в 1941 г. германским войскам «учитывать вражду армян»), «доказывала» их «неарийское происхождение» и «родство с семитами». «То обстоятельство, – писал Нжде Сталину, – что в целях защиты армян в Болгарии обратились (не только я, но и болгарские деятели культуры) к германскому послу в Софии, само доказывает, насколько серьезной была грозившая армянам опасность. Будучи свидетелем антиеврейских гонений, я не мог оставаться безразличным к опасности, грозившей армянам на Балканах». Эта опасность и наблюдавшаяся дискриминация армян «понудили, чтобы я поехал в Берлин и вошел в состав того трафаретного комитета, который после краткосрочного бессмысленного существования прибег к самоликвидации».

Как отмечал один из биографов Нжде, он поступил точно так же, как и «Оскар Шиндлер, сотрудничавший с немцами и спасавший евреев от неминуемой смерти». Напрашивается и другая историческая параллель, но уже из более далеких времен. Телеканал «Россия» в мае 2010 г. провел телевизионный конкурс на тему – «Имя Россия», в результате которого большинством голосов примером беззаветного служения родине был признан князь Александр Невский. А между тем немало историков (И. Данилевский, В. Янин и др.), не отрицающая прагматичный характер действий Александра Невского, считают, что князь сознательно пошел на союз с татарами, распространив их власть на Новгород, который никогда не был ими завоеван, чтобы использовать ордынцев для укрепления личной власти. А это в долгосрочной перспективе предопределило формирование на Руси деспотической власти...

В 1944 г., когда стало ясно, что Германия потерпит поражение, а Сталин обязательно припомнит Турции ее прогерманскую позицию в период войны, подданный Болгарии Гарегин Нжде сдался в руки СМЕРШа и предложил использовать его способности в случае начала войны с Турцией. Советские органы госбезопасности действительно имели план использовать Нжде в контексте послевоенных советско-турецких отношений, когда был вновь реанимирован Армянский вопрос.

В марте 1945 г. СССР денонсировал советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете от 1925 г., после чего начались консультации и переговоры о заключении нового договора. Условиями заключения нового соглашения объявлялись установление благоприятного для СССР режима совместного советско-турецкого контроля в проливах и исправление Московского договора 1921 г. Предлагалась граница, примерно соответствовавшая границе Российской и Османской империй по состоянию на 1878 г. Во второй половине июля советское руководство вынесло обсуждение вопроса на заседание конференции союзников в Потсдаме. Возвращение СССР части территории Западной Армении обуславливалось несправедливостью по отношению к армянскому народу и необходимостью возвращения армян на родину.

Гарегин Нжде мог стать «связующим звеном» между зарубежным Спюрком, где значительную роль играли национальные политические партии, в первую очередь Дашнакцутюн, и Советской Арменией, т.е. СССР. Об этом свидетельствует сам процесс переговоров Нжде с советской стороной, а затем и характер инкриминируемого ему деяния.

При приближении советских войск к Софии (освобождена 9 сентября 1944 г.) Нжде,

сознательно отказавшийся покинуть Болгарию, написал письмо командующему 3-м Украинским фронтом генералу (с 12 сентября – маршалу) Ф.И. Толбухину, где изложил свою возможную роль в случае войны с Турцией. В результате переговоров 9 октября Нжде был вызван в советскую миссию, где ему сообщили, что он должен выехать в Москву, чтобы лично сделать свое предложение руководству СССР. Однако 12 октября он был арестован и направлен в Москву, во внутреннюю тюрьму МГБ на Лубянке.

Его дальнейшая судьба зависела от переговоров между державами по статусу проливов и советско-турецкой границы. Ядерный шантаж США в отношении СССР не позволил отстоять советские претензии. А это обстоятельство предопределило дальнейшую судьбу Нжде. В 1946 г. он был переведен в Ереванскую тюрьму. Интересно, что ему было предъявлено обвинение не за коллаборационизм, а за участие в «антисоветском» восстании в Зангезуре и расстреле большевиков в этот период. Он неоднократно обращался с просьбой снять это обвинение, ссылаясь на то, что еще в 1921 г. всем зангезурским повстанцам была объявлена амнистия.

К Нжде применялись пытки бессонницей, но не физическое воздействие, так как при первой же встрече со следователем он, по собственному утверждению, заявил: «...попытка малейшего физического насилия надо мною вызовет с моей стороны ответ в такой же форме... что будет принужден убить меня». Нжде понимал, что он еще нужен властям живым. Например, для агитации в пользу приезда западных армян в СССР.

21 ноября 1946 г. СНК СССР принял решение «О мероприятиях по вопросу возвращения зарубежных армян в Советскую Армению». Во-первых, репатрианты могли стать аргументом в советских требованиях возвратить территории, отторгнутые в пользу Турции (причем значительную часть этих земель предполагалось передать не Армянской, а Грузинской ССР); во-вторых, советское правительство пыталось компенсировать огромные потери, понесенные армянским народом в Великой Отечественной войне, и одновременно скрыть сокращение мужского (военнообязанного) населения Армянской ССР (притом, что военных действий там не было). В-третьих, прибытие сотен тысяч зарубежных армян в страну Советов должно было продемонстрировать преимущества советской системы перед капиталистической.

Впрочем, многие репатриированные армяне оказались разочарованными. Не только не оправдались их ожидания увидеть полноценный «национальный очаг», для приезжающих армян просто не было ни жилья, ни работы. А это уже являлось «контраргументом» в отношении Советской власти. Нужен был повод для прекращения репатриации. 1 сентября 1948 г. на борту теплохода «Победа», который незадолго до этого доставил в Батуми очередную партию переселенцев, возник загадочный пожар. 13 сентября Сталин отправил Маленкову телеграмму, в которой высказал уверенность, что среди армянских репатриантов есть американские агенты, которые подготовили диверсию на теплоходе. Маленков намек вождя понял и на следующий день отрапортовал: Постановлением Совета Министров СССР от 14 сентября немедленно отменена репатриация в СССР зарубежных армян. Вряд ли можно считать совпадением то обстоятельство, что 24 апреля 1948 г. Особым совещанием при МГБ Гарегин Нжде приговорен к 25 годам тюремного заключения и направлен из Еревана во Владимирскую тюрьму.

Однако через несколько лет органы безопасности вновь попытались использовать его для налаживания связи с зарубежными армянскими организациями, в частности партией Дашнакцутюн, имевшей мощную разветвленную структуру. Это было очень важно в условиях усиления «холодной войны». В 1952 г. Нжде вновь переводят в Ереван, как и Оганеса Деведжяна, в 1921 г. исполнявшего обязанности министра юстиции в правительстве Республики Горная Армения. Их пути в эмиграции разошлись, но тюрьма вновь сделала соратниками. Было решено установить связь с Симоном Врацянном, в

эмиграции жившим во Франции, США, а с 1951 г. в Бейруте, где до своей кончины в 1969 г. он руководил армянской семинарией. Но так как Врацян мог усомниться, что письмо действительно написано Нжде, Деведжян, которому Врацян доверял и почерк которого хорошо знал, должен был подтвердить подлинность письма.

Действительно, Нжде написал письмо Врацяну, а фактически всему Спюрку, призвав зарубежных армян всемерно поддержать Советский Союз, а вместе с ним и Советскую Армению. Он отмечал, что Запад, сделавший ставку на Турцию и пантюркизм, всеми силами пытается уничтожить СССР. При этом первой жертвой станет армянский народ, который сохраняет национальную идентичность на небольшом клочке, оставшемся от всей Армении.

Возможно, Нжде попытались использовать и для более «деликатной» миссии, на что он в силу своих идейных воззрений не был готов. Тем более что в конце мая 1953 г. Москва заявила, что «во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции». Теперь рассчитывать на продолжение сотрудничества с Нжде было бессмысленно. По всей видимости, в советском правительстве посчитали его роль выполненной.

Тюремное заключение окончательно подорвало его здоровье. Безнадежно больного Гарегина Нжде летом 1953 г. вновь перевели во Владимирскую тюрьму. С сентября 1954 по сентябрь 1955 г. он находился в тюремной больнице г. Ташкента, после чего 12 сентября 1955 г. его возвращают во Владимирскую тюрьму, где 21 декабря 1955 г. он умирает.

В своем завещании Нжде выразил желание быть погребенным у подножия горы Хуступ в Сюнике (Капан). Однако брату, Левону Тер-Арутюняну, было отказано похоронить Нжде в Армении. 31 августа 1983 г. прах Нжде был тайно перевезен на Родину лингвистом Варагом Аракеляном и до 1987 г. хранился в подвале его дачного дома. В 1987 г. останки национального героя были доставлены в церковь села Гладзор области Вайоц Дзор. Завещание его было исполнено только в 2005 г., когда состоялась похоронная церемония у памятника Нжде у подножия горы Хуступ. Часть праха Нжде осталась в Гладзоре, являющемся местом паломничества. Всегда живые цветы приносят и к его дому в Софии, где установлена Памятная доска.

Своеобразным заключением этой статьи могут стать слова самого Гарегина Нжде из его автобиографии: «Я всегда приходил в моменты опасности. В мирное время я не стремился к должностям, поскольку не испытывал влечения к ним. Я всегда предпочитал руководить ополченцами, народными силами, испытывая некоторую холодность к т.н. регулярным подразделениям. Командиров я выдвигал из народа и выковывал их, если так можно выразиться, по его образу и подобию. На войне я всегда оставался человеком даже по отношению к туркам и татарам – свидетельство этому мои приказы и воззвания к подчиненным мне частям. Приписываемое мне Советской властью – обычная пропагандистская клевета, рожденная стремлением любой ценой очернить противника. Я никогда не использовал помощь внешних сил и даже средства собственного государства. Я следовал обету Мамиконянов, был человеком глубокой веры и этики, потому мне приходилось испытать из чаши горести. Бог и моя Родина всегда были на первом месте в моем храме веры. Армения являлась для меня святыней. Я жил и дышал ею, всегда готовый ради нее страдать, жертвовать и отдать саму жизнь. Она была священной болью, радостью, смыслом моего существования, моим бессмертием, высшим правом и обязанностью; в то же время народ страны горячо привязался и всецело верил мне» [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овсепян Ваче. Гарегин Нжде и КГБ. Воспоминания разведчика. Ер., НОФ «Нораванк», 2007, стр. 282.
2. Гарегин Нжде. Автобиография // Анив. №1. 2006.
3. Мачкалян С. Беседы с Гарегинином Нжде, или памятник к 125-летию Нжде. Ер., 2011.
4. Гарегин Нжде. Автобиография...
5. Там же.
6. См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/index.html.
7. Гарегин Нжде. Автобиография...
8. Там же.
9. Там же.
10. См.: Гарегин Нжде. Сочинения в двух томах. Ереван, 2002.
11. Гарегин Нжде. Автобиография...
12. «Algemeiner» о геноциде армян. URL: http://24april1915.info/news/algemeiner_o_genocide_armjan/2013-04-07-537.
13. Гарегин Нжде. Автобиография...

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հավատքի և պաշտամունքի տաճարում միշտ էլ առաջին տեղերը հատկացրել են Աստծուն եւ Հայրենիքիս (Գարեգին Տեր-Հարությունյան) Վիկտոր Հակոբյան

Հոդվածը նվիրված է Գարեգին Տեր-Հարությունյանին (Նժդեհ)՝ հայտնի հայ քաղաքական եւ ռազմական առաջնորդին՝ ազգային ազատագրական շարժման ակտիվ անդամին: Հոդվածում վերլուծվում են նրա կյանքի հիմնական փուլերը, տրվում են գնահատականներ նրա կյանքի վերջին հատվածում կատարած գործունեությանը:

Բանալի բառեր՝ Գարեգին Տեր-Հարությունյան, գործունեություն, ակտիվ մասնակից, Հայաստան, Հայրենիք:

РЕЗЮМЕ

**“Бог и моя Родина всегда были на первом месте в моем храме веры”
(Гарегин Тер-Арутюнян)
Виктор Акопян**

Статья посвящена Гарегину Тер-Арутюняну (Нжде), известному армянскому политическому и военному деятелю, активному участнику национально-освободительного движения. В материале анализируются основные этапы его жизненного пути, даются неоднозначные оценки его деятельности на завершающем временном отрезке его жизни.

***Ключевые слова:** Гарегин Тер-Арутюнян, деятельность, активный участник, Армения, Отчизна.*

SUMMARY

**«The God and my Motherland have always been the first in my Temple of Faith»
(Garegin Ter-Harutyunyan)
Victor Akopyan**

The article is devoted to Garegin Ter-Harutyunyan (Nzhdeh), the famous Armenian political and military figure, the active participant of the national liberation movement. The material analyzes the main stages of his life, dwells upon mixed assessments of his activities at the final stages of his life.

Keywords: *Garegin Ter-Harutyunyan, activity, active participant, Armenia, fatherland*